

доступа: http://www.priroda.samregion.ru/environmental_protection/public_organizations/

3. Шафрин, Ю.А. Основы компьютерной технологии/ Ю.А. Шафрин. – М.: АБВ, 2007. – 656 с.

4. Яндекс. Каталог: Экологические организации [Электронный ресурс] / Электронные данные. – Режим доступа: <http://yaca.yandex.ru/yaca/cat/Society/NGO/Rights/Ecology/>

5. Аудит и тестирование юзабилити сайта [Электронный ресурс] / Электронные данные. – Режим

доступа: <http://www.bontonweb.info/audit-usability/>

6. Гончаров А.Ю. Web-дизайн: HTML, JavaScript и CSS. Карманный справочник / А. Ю. Гончаров – «КУДИЦ-ПРЕСС», 2007. – С.320.

7. UsabilityNet: Card sorting [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.usabilitynet.org/tools/cardsorting.htm>

8. UsabilityNet: Methods list [Электронный ресурс]. – Электронные данные. – Режим доступа: <http://www.usabilitynet.org/tools/list.htm>

STRUCTURAL ANALYSIS AND DESIGN OF THE WEB SITE FOR A PUBLIC ENVIRONMENTAL ORGANIZATION

© 2014

N.Y. Kireyeva, Candidate of Biological Sciences, associate professor of Department of Informatics and Information Technologies

K.V. Danilova, 5th-year student, specialization “Applied Informatics in Social and Cultural Sphere”
Samara State Academy of Culture and Arts, Samara (Russia)

Abstract. The article reveals the main indicators in assessing the usability of web-sites. The results of the structural analysis of web-sites for environmental organizations of the Russian Federation are considered; the most common mistakes made when creating the site are identified. The paper also focuses on methods of usability tests implementation, analyzes the results of ergonomic interface adjustment.

Keywords: indicators of usability; structural analysis of the site; usability testing; web-site development.

УДК 81.81'255

ПЕРЕВОД КАК ФОРМА ИНОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА КНИГИ Р. КЕЛЛЕРА “SPRACHWANDEL” НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

© 2014

О.А. Кострова, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода как формы инокультурной интерпретации исходного текста с учетом межкультурных различий, образующих фоновые знания, и особенностей языка, на который делается перевод.

Ключевые слова: межкультурные переводческие трансформации; «скрытый перевод»; «супер»перевод; способ объективации; транслитерация имен.

Перевод понимается как культурный процесс, при котором текст переводится из одной культурной системы в другую. Такой перевод совершается не механически, а с учетом нового культурного кругозора. Мы исходим из понятия культуры, данного Ю.С. Степановым [1, с. 40]. Согласно этому определению культура состоит, с одной стороны, из эволюционных рядов определенных концептов и их взаимных связей, а с другой стороны, - из синхронных парадигм, или стилей, которые составляют определенную эпоху в общечеловеческой культуре. С этой точки зрения, каждый текст и его перевод вписываются в разные эволюционные ряды и одновременно относятся к определенному стилю. Переводчики отказываются от практики перевода с опорой лишь на оригинальный текст, они должны учитывать особенности языка, на который делается перевод [2, с. 44].

Целью статьи является исследование закономерностей перевода, которые отражают интерпретацию исходного научного текста в новой культуре. Материалом анализа послужил перевод книги Руди Келлера “Sprachwandel” на русский язык [3].

Методы и приемы межкультурных переводческих трансформаций, насколько нам известно, еще не систематизированы, хотя определенные попытки в этом направлении и предпринимаются. Например, проведена межкультурная адаптация перевода одной из грамматик серии «Дуден» на венгерский язык [4, с. 14-16]. Продолжая эту линию, попытаемся показать, какие трансформации необходимы для адаптации к русской культуре перевода немецкого научного текста. Необходимые трансформации касаются трех аспектов, связанных с эволюционными рядами научных текстов в немецкой

и русской культуре. При межкультурном подходе речь идет, во-первых, о **межкультурных трансформациях**, обусловленных *отсутствием* в принимающей культуре определенных *прецедентных текстов и ситуаций*. Во-вторых, чтобы перевод адекватно понимался, он должен учитывать **различия в языковом употреблении и оформлении научных текстотипов**. Наконец, в научном переводе очень важна **проблема терминов и транслитерации имен**, которые, с одной стороны, должны быть узнаны в новой читательской аудитории, а с другой стороны, должны стать прецедентами для дальнейшего употребления. Учет перечисленных аспектов влечет за собой применение специальных переводческих приемов, нацеленных на то, чтобы смысл переведенного текста оказывал в принимающей культуре воздействие, аналогичное тому, какое оказывает оригинальный текст в исходной культуре. Переводчик, активно участвуя в межкультурной коммуникации, интерпретирует знаки одной языковой культуры знаками другой языковой культуры [5, с. 115].

«Скрытый перевод»

Теоретики перевода говорят о необходимости преодоления различий в фонде предынформационных знаний, свойственных представителям разных культур [6, с. 34]. В этом случае может помочь межкультурный переводческий прием, известный как «скрытый перевод». Цель переводчика состоит при этом в том, чтобы «отобразить эквивалентное культурное событие, то есть реконструировать функцию, которую выполнял оригинал в своем дискурсивном окружении» (перевод мой – О.К.) [7, с. 106]. Этот метод предполагает, что передается не содержание оригинального текста, а его смысл. Переводчик должен

учитывать при этом систему ожиданий, существующую в принимающей культуре. Такой подход влечет за собой пересмотр понятия «переводческой верности», его интерпретацию как креативности в смысле „problem solving activity” [8, с. 124].

Подобная креативность необходима переводчику в случае отсутствия в принимающей культуре прецедентных текстов, известных в исходной культуре. К таким **прецедентным текстам** относятся некоторые приводимые автором цитаты. С позиций межкультурных различий в книге Р.Келлера встречаются два типа цитат: на немецком и на других языках. К немецкоязычным цитатам, которые на языке оригинала не известны русскому читателю, относятся тексты из Гёте. Круг людей, которым в России доступны эти тексты, ограничивается германистами, тогда как книга Келлера обращена к более широкому слою читающей публики, охватывающим не только германистов, но и социологов, политологов, экономистов и политиков. Поэтому представляется оправданным заменить цитаты из Гёте цитатами из Пушкина, известными русским читателям. Словарь Пушкина так же, как и словарь Гёте, регистрирует многочисленные изменения в значениях слов, которые произошли со времени Пушкина. Насколько нам известно, английский переводчик этой книги применял такой же прием.

Подобным образом прецедентные тексты из немецких газет послевоенного времени были заменены соответствующими текстами из русских газет того же периода. Этот культурный фильтр представился необходимым, поскольку переводчик обязан учитывать разные presuppositions читателей (немецких и русских), к которым обращен текст. Оригинальный текст Келлера приведен в примечании переводчика. В основном тексте параллельно с примерами развития значения некоторых немецких слов приводятся – в рамках скрытого перевода – аналогичные примеры из русского языка, ср.: *U-Boot – подводная лодка, einen Film drehen – снимать фильм* [9, с. 20; 3, с. 32]. Таким образом, как германисты, так и непрофессионалы в этой области могут почерпнуть для себя при чтении новую информацию.

«Супер»перевод

Второй вид прецедентных текстов образуют **иноязычные цитаты** преимущественно из работ английских философов, экономистов и политиков. Нередко они полностью или частично приводятся на языке оригинала. Следуя отечественной традиции оформления научного текста, в котором цитаты даются на родном языке или переводятся в примечаниях, в нашем переводе эти текстовые вкрапления переведены на русский язык, то есть применён «супер»перевод. В виде частичных цитат Р. Келлер приводит названия социально-экономических теорий, представляющих символы соответствующих прецедентных текстов. Это, например, такие термины, как *Invisible-hand-Erklärung* и *Rational-choice-Theorie* [9, с. 164]. Английские элементы этих терминов не употребительны в русской научной среде; их сохранение в оригинале было бы слишком чужеродным элементом в русском тексте, поэтому здесь вставлены канонические термины: *объяснение посредством невидимой руки* и *теория рационального выбора*.

Иноязычные цитаты из латинских и греческих текстов тоже требовали перевода на русский язык, ср.: *post-hoc-ergo-propter-hoc-Fehlschluss – ложное умозаключение «после этого, значит, по причине этого (post hoc, ergo propter hoc)»; physei und nomō – природа – закон, physei und thesei – природа – традиции, законы*.

Переводческий комментарий

Прецедентные ситуации, отсутствующие в русском языковом сознании, нуждались в переводческом комментарии. Так, например, представлялось необходимым объяснить слово *Jogging*, поскольку этот вид спортивной ходьбы не получил распространения в России. Другая прецедентная ситуация, которая отсутствует в русской научной традиции, касается применения ме-

тода, который в книге Келлера называется *Conjectural History*. Этот метод предполагает не историческое, а философское исследование путем построения гипотетической истории. В русском переводе он назван *предположительной историей*. Комментарием служит английский оригинальный текст, в виде исключения оставленный параллельно с русским переводом.

Адаптация к иноязычному способу объективации

За **терминологическими трудностями** перевода скрываются культурологические причины двоякого рода. Одна из них кроется в различиях языкового сознания немцев и русских, что обуславливает различия в способе объективации связанных между собой понятий. А.И. Фефилов характеризует эти различия следующим образом: «В силу разнообразия и интенсивности немецкого словосложения и семантический самодостаточности русских простых цельнооформленных слов немецкое и русское языковое сознание по-разному объективирует соотношения мыслительных понятий, а именно: (а) немецкое языковое сознание – способом номинативно-семантического обобщения [...], (б) русское языковое сознание – способом номинативно-семантического дробления» [10, с. 84-85]. Это различие проявилось уже при переводе названия книги. В немецком оригинале книга называется „Sprachwandel”, что можно перевести на русский язык несколькими способами. Однако все возникающие варианты – это словосочетания, ср.: *Изменения языка; Преобразования в языке; Языковое изменение* и, наконец, *Языковые изменения*. Выбор последнего варианта обусловлен следующими причинами. Во-первых, предпочтение отдано слову *изменения* в силу его меньшей «активности» по сравнению со словом *преобразования*, вследствие чего *изменения* лучше сочетались с «невидимой рукой». Во-вторых, единственное число оригинала заменено множественным числом, потому что немецкое сложное слово имеет более абстрактное значение сравнительно со словосочетанием *Wandel der Sprache*, что в русском языке лучше передается множественным числом. Наконец, в переводе учитывается узус принимающего языка.

В переводе множество подобных примеров. Русские терминологические сочетания содержат, как правило, определения в виде прилагательных, родительного падежа или существительного с предлогом, ср.: *Individualkompetenz – индивидуальная компетенция, Funktionsanalyse – функциональный анализ, Sprachursprung – происхождение языка, Natürlichkeitstheorie – теория естественности, Lautverschiebung – передвижение согласных, Finalitätstheorie – тезис о финальности, Handlungswahlfunktion – функция выбора действий, Sprachwandelgesetz – закон языковых изменений*.

Другой вид терминологических трудностей состоит в том, что автор употребляет такие термины, которые не зафиксированы ни в немецких, ни в русских словарях. Так из работ современного биолога Р. Докинса (R. Dawkins) он заимствует термин *das Mem*, обозначающий единицу памяти. Ясно, что термин восходит к латинскому языковому фонду. Термин транслитерирован как *мема*. Встречающийся дальше термин *Mempool* (дословно: *бассейн мем*) переведен как *мемофонд* [3, с. 258]. Для обозначения одного содержания конкурирующими формами Келлер употребляет термин *Allele*. Переводчику представилось, что более понятным будет термин *аллеломорф*, продолжающий терминологический ряд *аллофон, алломорф*.

Еще один тип терминологических трудностей возникает в случаях, когда уже есть русский вариант перевода, но он кажется не совсем удачным. Это касается, например, выражения Грайса *sprachliche Handlungsmaximen*. Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева перевели это выражение как *максимы речевого общения* [11, с. 26-27]. Представляется, однако, что слово *максимы* имеет в русском языковом сознании другие ассоциации, поэтому в переводе вы-

брано выражение *правила языковой деятельности*.

Переводческие техники, применяемые при переводе терминов, можно обозначить как: выбор из имеющихся вариантов с учетом семантики обоих языков и узуса принимающего языка; транслитерация + адаптация к соответствующему русскому терминологическому ряду; учет ассоциаций в русском языковом сознании. Эти техники составляют метод адаптации к иноязычному способу объективации.

Учет узуса принимающего языка

Необходимость учета узуса принимающего языка можно проиллюстрировать такими примерами. В содержании книги в оригинале есть такой пункт: *“Natur versus Kunst – Gefühl versus Verstand”*. Перевод звучит: *«Природа – антипод искусства, инстинкт – антипод разума»*. Словечко *versus*, заимствованное современными европейскими языками, осталось малоизвестным (если не сказать неизвестным) в русской культурной среде, поэтому оно заменено на слово *антипод*. Другие пункты содержания гласят: *“Im Gefängnis der Dichotomie”* и *“Argumente im Gefängnis”*. В русском языковом сознании слово *тюрьма* недопустимо ни в первом, ни во втором контексте. Первый заголовок звучит в переводе *«В плену противоположностей»*, второй – *«Аргументы в тупике»*.

Учет метаязыкового оформления текстотипа

Особенности оформления текстотипов научного подязыка можно отнести к метаязыковому уровню. При межязыковом сопоставлении здесь бросаются в глаза два момента, иллюстрирующие особенности оформления научных текстотипов.

Во-первых, различается введение цитат, которые в немецком и русском текстах по-разному оформляются пунктуационно, и по лексическому наполнению вводных фрагментов, ср.: *in Fergusons Worten – говоря словами Фергюсона*.

Во-вторых, различия касаются отсылочных замечаний автора, которые в немецком тексте могут иметь более свободную форму, а в русском более формализованы. Например, Р. Келлер пишет: *„so sagte ich weiter oben“*. Здесь выбрана более привычная для русского текста форма отсылки: *“как я отмечал выше”*. Дословный перевод был бы невозможен и в следующем случае: *“Der Begriff des sozialen Erfolgs wird noch in einem späteren Kapitel wichtig werden”* [9, с. 122]. Русский вариант [3, с. 162]: *«К понятию социального успеха мы еще вернемся в дальнейшей главе»*. Применяемый здесь переводческий прием можно назвать: «выбор клишированного способа выражения, соответствующего текстотипу».

Транслитерация и транскрипция иноязычных имен

В заключение несколько слов о передаче собственных имен, которые некоторые авторы относят к опорным пунктам межкультурной коммуникации [ср. 12, с. 3]. Их можно рассматривать как межязыковые заимствования. При их передаче переводчик чувствует себя зажатым между стремлением к транслитерации, с одной стороны, и сохранению фонетической формы, с другой. Преимущество транслитерации состоит в том, что имя не искажается в письменном тексте, что особенно важно, например, при поиске в Интернете [ср. 12, с. 17]. Исходя из этого, указатель имен в переводе следует составлять на двух языках, в зависимости от того, в какой форме имя встречается в тексте.

Международная система транслитерации разработана в одном направлении, а именно, для перевода кириллицы на европейские языки [ср.: 13, с. 86]. Этого нельзя сказать об обратном направлении: чистая транслитерация не актуальна для современной переводческой практики [ср. 12, с. 18]. Дж.К. Катфорд различает шаги транслитерации, которые ведут через фонологию к графологии [14, с. 132]. Именно этот принцип, види-

мо, и следует применять, но только в тех случаях, когда переводимое имя не канонизировано в принимающем языке. Вряд ли целесообразно было вводить фонетический принцип в таких именах, как *Лейбниц* или *Витгенштейн*. Такие имена как *Eyer*, *Stein* переданы фонетически: *Айер*, *Штайн*.

Выводы

Приведенные размышления, с одной стороны, свидетельствуют о посредническом характере переводческой деятельности, которая делает возможным трансфер научного текста не только в другой язык, но и в другое языковое сознание и в другую культуру, облегчая тем самым его восприятие. К переводческим приемам, учитывающим прагматические адаптационные факторы, относятся «скрытый перевод» и «адаптация к привычной концептуальной системе и узусу принимающего языка». С другой стороны, сопоставление параллельных научных текстов выявляет определенную систематизацию их межкультурных особенностей, что представляется особенно актуальным для этнокультурной типологизации текстотипов. Учет межкультурных различий может способствовать расширению стилистических возможностей научного подязыка и соотносению понятийного аппарата различных национальных стилей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
2. Mueller-Vollmer K. Übersetzen – wohin? Zum Problem der Diskursformierung bei Frau von Stael und im amerikanischen Transzendentalismus. // Übersetzung als kultureller Prozess: Rezeption, Projektion und Konstruktion des Fremden. Berlin: E. Schmidt, 1998. S. 11-31.
3. Келлер Р. Языковые изменения: о невидимой руке в языке. Пер. с нем. и вступ. ст. О.А. Костровой. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1997. 307 с.
4. Földes C. Grammatik-Typologie und Grammatikographie. Überlegungen anhand einer „fremdsprachlichen Gebrauchsgrammatik“ des Deutschen. // Földes C. (Hrsg.). Auslandsgermanistische Beiträge im europäischen Jahr der Sprachen. Wien: Edition Praesens, 2002. S. 3-24.
5. Фесенко Т.А. Концептуальный перевод в структуре взаимоотношения «действительность – мышление – сознание – язык» // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. Тамбов, 2004. С. 112-122.
6. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
7. House J. Möglichkeiten der Übersetzungskritik // Best J., Kalina S. (Hrsg.). Übersetzen und Dolmetschen: Eine Orientierungshilfe. Tübingen und Basel: Francke, 2002. S. 101-109.
8. Bălăcescu I., Stefanink B. Was bringt der Kognitivismus dem Übersetzer? (Kognitivismus im Dienste einer lernzentrierten Übersetzungsdidaktik) // Вопросы когнитивной лингвистики, № 1. Тамбов, 2004. С. 123-131.
9. Keller R. Sprachwandel: von der unsichtbaren Hand in der Sprache. Tübingen und Basel: Francke, 1994. 238 S.
10. Фефилов А.И. Методологические основы транслатологии. Ульяновск: гос. ун-т, 2003. 243 с.
11. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики: вступ. ст. // Новое в зарубежной лингвистике. Переводы. М.: Прогресс, 1985, вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 26-27.
12. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. М.: «Р. Валент», 2001. 200 с.
13. Drosdowski G. (Hrsg.) Rechtschreibung der deutschen Sprache (Duden, Bd.1). Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich: Dudenverl., 1996. 910 S.
14. Катфорд Дж.К. Лингвистическая теория перевода: об одном аспекте прикладной лингвистики. Пер. с англ. В.Д. Мазо. Москва: Либроком, 2009. 208 с.

TRANSLATION AS FORM OF 'OTHER-CULTURE' INTERPRETATION (AS EXEMPLIFIED
IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF R. KELLER'S BOOK "SPRACHWANDEL")

© 2014

O.A. Kostrova, Doctor of Philology, Professor of Department of the German Language
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Abstract. Specific features of translation as "other-culture" interpretation of the original text are highlighted in the paper. These features are defined with reference both to intercultural differences resulting from different background knowledge and the peculiarities of target language.

Keywords: intercultural translation transformations; "hidden translation"; "super" translation; means of objectification; transliteration of names.

УДК 902.2

ИСТОРИЯ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА
САХТЫШ ПА

© 2014

Е.Л. Костылёва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
А.В. Уткин, сотрудник археологического музея
Ивановский государственный университет, Иваново (Россия)

Аннотация. В статье рассматривается история изучения многослойного поселения (мезолит – эпоха бронзы) и могильника (неолит – энеолит) Сахтыш ПА, расположенного в центре Русской равнины (Ивановская обл.). Освещаются основные результаты радиоуглеродного датирования, археологического и антропологического исследований.

Ключевые слова: поселение и могильник Сахтыш ПА; мезолит – эпоха бронзы; история изучения; антропологические исследования; радиоуглеродное датирование.

В центре Русской равнины в Тейковской районе Ивановской области находится уникальный комплекс из 15 памятников археологии. Они расположены при истоке из Сахтышского палеозера р. Койки (Кийки). Среди них – долговременные поселения, сезонные стоянки и местонахождения. Хронологический диапазон представленных на памятниках материалов – от раннего мезолита до эпохи средневековья.

Отдельные материалы сахтышских стоянок опубликованы более чем в 80 статьях и монографиях, однако отсутствуют обобщающие исследования как по отдельным памятникам, так и по комплексу в целом. В связи с этим достаточно актуальным нам представляется рассмотрение истории и основных результатов изучения поселения и могильника Сахтыш ПА – одного из наиболее ярких и хорошо представленных в литературе памятников Сахтышского микрорегиона.

Начало археологического изучения окрестностей Сахтышского палеозера было положено заведующим культурно-историческим отделом Ивановского краеведческого музея В.И. Смирновым, который в 1930 г. обследовал местонахождение древних вещей в урочище «Малый островок» (стоянка Сахтыш I) и провёл первую шурфовку памятника [1]. В 1957 г. небольшой шурф на памятнике был заложен хранительницей фондов того же музея Е.Н. Ерофеевой. Планомерные же разведки и раскопки в районе оз. Сахтыш начинаются в 1962 г. и связаны с работами Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Д.А. Крайнова [2, с. 9]. В том же году был открыт и второй памятник сахтышского комплекса – стоянка Сахтыш II, а почти четверть века спустя – в 1986 г. – стоянка Сахтыш ПА. Она находится в 2 км к юго-востоку от с. Сахтыш, в 200 м к юго-западу от 4-го посёлка торфопредприятия, располагается на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Койки и отделяется от стоянки Сахтыш II небольшим ручьём, ныне полностью заторфованным. Открыт этот, ставший вскоре широко известным в нашей стране и за рубежом памятник был совершенно случайно. Д.А. Крайнов, перешагнув 80-летний рубеж жизни, решил завершить свои полевые работы и на прощание обошёл с Е.Л. Костылёвой сахтышские стоянки. При подходе к стоянке Сахтыш II он обратил вни-

мание на выбросы из кротовин керамики и отщепов. На следующий день здесь был заложен шурф, в котором, кроме обычных поселенческих находок, оказалась и янтарная пуговица, что указывало на возможное присутствие на памятнике захоронений волосовской культуры. Это заставило Д.А. Крайнова отказаться от своих первоначальных планов и продолжить полевые исследования. В 1987 г. он снова приехал на Сахтыш. Раскопки вновь открытого памятника продолжались с перерывами 10 лет (1987 – 1994, 1999, 2004 гг.), 6 из которых Д.А. Крайнов лично руководил работами. Полевые исследования на памятнике проводили также Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин и М.Г. Жилин. В научной обработке материалов и их публикации, кроме вышеупомянутых исследователей, принимали участие В.А. Аверин, Т.И. Алексеева, А.А. Выборнов, Н.Е. Зарецкая, М.В. Козловская (Добровольская), Г.В. Лебединская, Е.А. Спиридонова, Л.Д. Сулержицкий, В.Н. Федосова (Филберт), а также археологи из Швейцарии – Д. Рамзеер (D. Ramseyer) и Германии – Т. Тербергер (T. Terberger), З. Харц (S. Hartz), Х. Пицонка (H. Piezonka).

Памятник исследовался двумя раскопами. Раскоп I охватывал возвышенную его часть с мощностью культурных наслоений около 50 см. Работы велись Д.А. Крайновым, Е.Л. Костылёвой и А.В. Уткиным в 1986 – 1994 гг. Вскрытая площадь составила 788 м².

Раскоп II находился примерно в 20 м к юго-западу от юго-западного угла раскопа 1989 г. на заторфованном участке памятника в береговой зоне ручья, разделявшего Сахтыш II и Сахтыш ПА (рис. 1). Глубина раскопа достигала 2-х метров. Работы проводились М.Г. Жилиным (1999 г.) и Е.Л. Костылёвой (2004 г.). Вскрытая площадь составила 32 м².

Хроника полевых исследований выглядит следующим образом:

№№ п/п	Год работ	Руководители работ	Вскрытая площадь
1.	1986	Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.	4 м ²
2.	1987	Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.	48 м ²
3.	1988	Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.	152 м ²
4.	1989	Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.	188 м ²
5.	1990	Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.	108 м ²
6.	1991	Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.	134 м ²
7.	1992	Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л.	52 м ²
8.	1993	Крайнов Д.А., Уткин А.В.	92 м ²
9.	1994	Уткин А.В.	20 м ²
10.	1999	Жилин М.Г.	16 м ²
11.	2004	Костылёва Е.Л.	16 м ²
ВСЕГО:			820 м ²